

«Укороченные, с ампутированными конечностями, перекроенные и изуверченные — несчастные «Отверженные», — такими словами сопровождает этот рисунок художника Мориса Анри еженедельник «Фигаро литертерер».

лало произведение Гюго менее ценным».

Господин Жак Марсиро, взявший на себя неблагоприятный труд «привести содержание романа в соответствие со вкусами современного читателя», не новичок в этом деле: подобную же операцию он проделал с «Графом Монте-Кристо» Александра Дюма и с «Тайнами Парижа» Эжена Сю. Результат «деятельности» Жака Марсиро налицо: вместо полутора тысяч страниц в «Отверженных» — триста восемьдесят.

«Господин Марсиро, — пишет в еженедельнике «Ар» Жорж Коншон, — считает, что исторические и социальные экскурсы «старика Гюго» могут лишь «навести скуку на современного читателя». Великолепно сказано... Давайте же делать купюры! Долой 1830 год! Все эти революции приносят только беспорядки и разрушения... Долой описание Ватерлоо! Долой главу «Буря под черепом», осуждение невинного — несовременная проблема. Долой смерть Жана Вальжана! Смерть аморальна: она может опечалить читателя. И, ради бога, уберем самоубийство Жавера! Страдающий, покончивший с собой полицейский — разве это

актуально? Давайте лучше поскорее придем к двум «да»: Козетты и Мариуса — свадьба — это весело, хорошо, приятно!.. Занавес! Хэппи энд! Bravo!

Жак Марсиро все-таки сделал одно существенное упущение, — продолжает Жорж Коншон, — ему следовало бы назвать роман «Хозяева жизни», а не «Отверженные», тогда бы все было в порядке».

Французская пресса с возмущением осуждает этот вопиющий факт неуважения к национальному литературному сокровищу. «Опасный рецидивист атакует Виктора Гюго, — пишет Морис Шаплан в еженедельнике «Фигаро литертерер». — Наглость этой дешевой стряпни, ее «интеллектуальный садизм» и тупость ошеломляют. Надо надеяться, что такого же мнения придерживаются и господа судьи и что в дальнейшем жаждущие наживы вдохновители этого издания будут более благоразумны».

В ЗАЩИТУ ПАВЛО ПИКАССО

Еженедельник «Леттр франсез» под заголовком «Как оклеветали Пикассо» печатает статью Пьера Дэк-

са о тех нападках, которым в последнее время подвергается знаменитый художник. Ему приписывают поездки, которых он никогда не совершал, высказывания, которых он никогда не делал.

Первоисточником всей этой клеветы явилась так называемая «Черная книга» Джованни Папини, которая вышла много лет назад и представляет собой якобы мемуары некоего миллиардера Гога. Этот Гог имел возможность покупать неизвестные широкой публике шедевры живописи и скульптуры, рукописи знаменитых авторов, встречаться с выдающимися людьми своего времени. Он был знаком, утверждает автор «Черной книги», и с Пикассо.

Папини грубо оклеветал Пикассо, пишет Пьер Дэк. Художнику приписываются следующие слова, якобы сказанные им Гогу: «Вы не критик и не эстет, и я могу говорить с вами откровенно. Когда я был молодым, я преклонялся перед великим искусством. Но с годами я понял, что искусство, как его понимали до конца девятнадцатого столетия, отживает свой век, что ему вынесен приговор истории». Поэтому будто бы Пикассо старается приноровиться к вкусам богачей.

Эта «исповедь» была впоследствии использована рядом органов французской и зарубежной печати, приписавших Пикассо, кроме того, заявление, что он будто бы является лишь «развлекателем публики».

Даже самые подлые враги Пикассо не доходили до этого, пишет далее Дэк. Ведь во Франции каждый знает, что Пикассо всю свою жизнь посвятил большому искусству. Нечестно приписывать художнику подобные взгляды, ведь даже те, кто не понимает картин Пикассо, отдают должное его страстному увлечению работой, его мастерству.

Дэк напоминает, что во время войны Пикассо вступил в компартию; он не покинул Парижа и стал символом сопротивления творческой интеллигенции гитлеризму. А 6 октября 1944 года,

